

Элина Васильева

Нарушая субординацию...

Все мы уже привыкаем к тому, что очень важную информацию узнаем из социальных сетей. Именно там, на Фейсбуке, 2 октября мой израильский друг Валентин Кобяков опубликовал слова, смысл который я поняла не сразу:

Сенечка, прощай, Друг сердечный.

Горько печалюсь. Всего тебе доброго, лучшего в Лучшем из миров.

Обнимаю...

Сенечка... Я ловлю себя на мысли, что не знаю, как правильно обращаться к Самуилу Моисеевичу, потому что постоянно забываю отчество, потому что со студенческих лет от Федорова Полиектовича Федорова слышала «Сеня Шварцбанд» и никак иначе. Сказанное профессором Федоровым всегда было и есть и для меня, и для всех его учеников непреложным законом, потому что Федоров - это авторитет. Но со слов профессора я, еще будучи студенткой, поняла, что ШВАРЦБАНД - это что-то невероятно значительное, потому что при упоминании его имени лицо Федорова-Зевса всегда менялось, громовержское исчезало, появлялось теплое, родное, загадочное...

Мой первый приезд в Израиль в 2005 году имел совершенно замечательную рамочную конструкцию – прямо из аэропорта я приехала домой к Шварцбандам, и оттуда же ночью мы большой теплой ученой компанией уезжали в аэропорт. Это было настоящее чудо Земли Обетованной. Это была уникальная, гениальная смесь из научных вопросов и бытовых проблем. Теплый, уютный дом, рыба-фиш, приготовленная Розой. И сам Шварцбанд, царящий над всем этим, превращающий ученых мужей (которых я немножко побаивалась) в замечательных и милых собеседников. Это море шуток и удивительных по глубине философских размышлений. Шварцбанд обладал уникальной способностью собирать вокруг себя удивительных людей. Он успевал быть везде, быть разным. Кажется тогда на конференции он успел с каждым участником обсудить тему его доклада, пошутить, подарить на память какой-нибудь сувенир (на связке моих ключей брелок-хамса, подаренная им!).

Это было настоящим подарком судьбы – знать его лично. Как жаль, что он больше не приезжал в Латвию, но это было его решение. Спасибо современным технологиям, которые помогали виртуально быть с ним на связи: читать его книги, получать его стихи, отвечать на вопросы о том, как дела в научном мире Даугавпилса. Цитируя одно из стихотворений Самуила Шварцбанда, теперь его «путь стал астральным», значит, на небе стало одной яркой звездой больше...

P.S. Родные не решились пока сообщить Федору Полиектовичу Федорову о том, что его лучшего друга Сени уже нет. Но замечательные слова профессора Федорова о профессоре Шварцбанде обязательно должны быть среди других воспоминаний!

САМУИЛУ ШВАРЦБАНДУ – 70

Мой первый друг, мой друг бесценный...

А. С. Пушкин

Все было недавно. И все было пятьдесят лет назад.

Бродя по Даугавпилсу, мы не думали о днях, которые наступили сегодня. Не думали, потому что настоящее воспринималось как бесконечное.

И теперь, когда время стало стремительно свертываться, мы поздравляем друг друга с тем, с чем, может быть и нет необходимости поздравлять.

Тем не менее эти поздравления – благодарение пройденной жизни, такой долгой и такой стремительной.

В мареве прошлого растворились и многие дни, и многие годы, и многие люди, без которых, казалось, и жить нельзя. Нас подолгу разлучали и люди, и время. Но эти провалы не были провалами, потому что главное – не встречи, а та *единственная* встреча, которая была *предопределена*.

Может быть чаще других стихов мне вспоминаются магические стихи Петра Андреевича Вяземского, любимого моего поэта.

*Я пережил и многое, и многих,
И многому изведal цену я.*

В «изменчивых» днях, годах, десятилетиях было то, что определяло их единую нить, их живую ценность; и это – ритм нашей встречи.

Я благодарю судьбу и Тебя за Твое присутствие в моей жизни.

Что мне дорого в тебе? Нежность. Я знаю Тебя разным, даже очень разным, и все же нежность – основа основ Твоего Я. И в равной степени энергия чувства и энергия мысли. Может быть, точнее: та энергия мысли, которая рождена как Афина-Паллада, из глубины чувства и этой глубиной преображена.

И в этом смысл Твоей лирики.

Стихи пошли в тебе на моих глазах. И очень скоро появилось в них то, что свойственно только Тебе, - печаль. О чем бы ты ни писал – о Пскове ли, о Риге, о Риме, об Израиле, о людях, Тебе близких, - во всем этом многообразии есть единство печали и мысли, мысль печали и печаль мысли. Но это все-таки не определяет твое поэтическое лицо. А определяет глубинное единство русской мысли и еврейского чувства, еврейской пронзительной скорби.

Из многих, любимых мною стихов, процитирую стихотворение, посвященное памяти В. С. Белькинда, в 1970-е годы работавшего в Даугавпилсе, а потом в Казахстане, Таллине и уехавшего из Петербурга в Израиль, чтобы там умереть.

*Может, гадая на древней пасхалии,
Таллинский ветер бы спутал судьбу,
Или осиновый трепет Латгалии
Вместо тебя бы улегся в гробу?*

*Впрочем, не миррою и не сандалом
Благоухает страсти страда
В мире подлунном, а потом и салом,
Чтоб от беды не осталось следа.*

*Кто же потом – после жизни – проверит?
Разве почувствуешь боль за версту?..
Вот и нисходят поэты в Нацерет,
Будто рождественнский свет в темноту.*

Но в академическом издании надо говорить не о стихах, а трудах, хотя, может быть, стихи и есть истинные *труды*.

Энергия Твоей мысли в полной мере воплотилась в пушкинистике. Ты писал о многих и многом. Но ядро Твоей научной жизни – это, естественно, Пушкин.

В давнее рижское время, в 1970-е годы, в газете «Советская молодежь» Ты публиковал статьи, жанр который определил как «литературоведческий детектив». Из них «вылупилась», как мне кажется, твоя методология, называемая Тобою *история текста*. Каждая из твоих монографий, начиная с первой («Логика художественного поиска А. С. Пушкина от «Езерского» до «Пиковой Дамы» Из-во Еврейского ун-та в Иерусалиме 1988), начинается с обоснования этой методологии

«...Теоретические попытки отмежевать текстологию (и историю текста) от анализа «законченного» произведения привели к тому, что интерпретация текста «освободилась» от его истории, а, в свою очередь, история текста не предлагала свои «внушения» тому «идеальному читателю» (интерпретатору), который и без нее обладала всем, «что необходимо для полного понимания произведения».

И далее: *«заданная художником последовательность текстовых явлений (на всех уровнях и узусах существования текста) – это последовательность «состояний» самой системы, именуемой текстом».*

Во второй монографии **“История «Повестей Белкина»**” эта методология не только декларируется самым подробным образом, но и рассматриваются пути ее формирования и ее существования в условиях авторитетных методологий разного типа.

Наконец, в монографии **«Теория текстов: «Гаврилиада», «Подражание Корану», «Евгений Онегин» (гл. I-IV)»**, (Москва: РГГУ, 2004) еще раз говорится «о пафосе исследования», но весьма иронично: *«..историко-литературные «шумы и помехи» всегда есть следствие или ошибочных описаний истории текста того или иного произведения или их отсутствия (например, нет материала для описания истории текста в связи стем, что не созрелись рукописи).*

Более того, попытки навязать историко-литературные представления истории текста столь же безуспешны, как и попытки прерывания беременности после рождения ребенка. Может быть, поэтому и в силу этого противоестественного хода описание истории текста представляется мне проверяющим фактором историко-литературных описаний».

Год назад в Варшаве у Тебя было меланхолическое настроение, но Ты прочитал яростный доклад, и он явно был предвестием нового «взрыва». И,

действительно, стали являться одна за другой статьи, возвращающие Пушкина к Пушкину.

В 1964 году Ты написал стихотворение, которое в 2002 году уменьшил на два стиха:

*Я приснился себе молодым:
С неистраченной силой и болью _
И хотелось поспорить с судьбою,
Что останусь до смерти таким.*

Если судьба и пыталась вступить в спор, то она, безусловно, проиграла.

Ф. П. Федоров
2010